

Пути Россіи

Имперія.

VIII *).

На какихъ устояхъ стояла имперія Николая I? Что взялъ онъ у своихъ вѣнчаныхъ предковъ?

Россія — особый міръ. Міръ великій и сачобытный — отличный отъ европейскаго: по землѣ, по крови, по вѣрѣ, по политическому строю — по всему ходу исторіи. Необъятно пространство Россіи, чудесенъ сплавъ ея разнородныхъ племенъ, велики ея юныя силы, безпредѣльна ея мощь — и духъ замираетъ въ трепетномъ восторгѣ отъ предощенія ея великаго назначенія. Исторіей всякого народа руководить Провидѣніе, но русской исторіей въ особенности. Ни одна исторія не заключаетъ въ себѣ столько чудеснаго и сверхъестественнаго. Соображая событія, ее составляющія, невольно думаешь, что персть Божій ведетъ Русскій народъ, какъ будто древле Іудеевъ, къ какой то высокой цѣли. Слава была колыбелью народа Русскаго, а побѣда вѣстницей бытія его. Въ концѣ X-го вѣка Европейская Россія была уже не менѣе цвѣтущей, т. е. во сто лѣтъ достигла отъ колыбели до величія рѣдкаго и въ то же время въ просвѣщеніи не уступала другимъ Европейскимъ государствамъ. Ханское иго не благопріятствовало успѣхамъ искусствъ и разума въ нашихъ отечествѣ, и нѣтъ сомнѣнія, что отъ XIII-го до XVII-го вѣка Европа далеко опередила насъ въ гражданскомъ просвѣщеніи. Въ эти вѣка Россія жила замкнуто, развивала изнутри свои, особыя, чуждыя другимъ народамъ, начала и крѣпла въ силахъ своей исполнинской корпорации. Въ глубинѣ Сѣвера, возвысивъ главу свою между Азіатскими и Европейскими царствами, она представляла въ своемъ гражданскомъ образѣ черты сихъ обѣихъ частей міра.

*) «Совр. Зап.» № № 2, 4, 7, 9, 12, 14, 18, 22, 32, 48, 49, 50, 52, 54, 62, 68.

Однако, и въ эти ѣка, Россія пользовалась важными открытіями другихъ народовъ, а, съ воцареніемъ Романовыхъ, начала сближаться съ Европой, какъ въ учрежденіяхъ, такъ и въ нравахъ. Только дѣлала сіе постепенно, тихо, едва замѣтно, какъ естественное возрастаніе безъ порывовъ и насилія. Мы заимствовали, но какъ бы нехотя, примѣняя все къ нашему и новое соединяя со старымъ. Явился Петръ. Въ лицѣ Петра Промыслъ даровалъ Россіи царя, умѣвшаго почти внезапно на-верстать пространство, отдѣлявшее ее отъ Европы въ успѣхахъ образованности, и гѣмъ поставить ее на мѣсто, ей свойственное. Мы взглянули на Европу и однимъ взоромъ присвоили себѣ плоды долговременныхъ трудовъ ея. Въ полтора-ста лѣтъ мы не только догнали, но даже перегнали во многихъ отношеніяхъ самые образованные народы, а, какъ государство, Россія уже давно заняла первое мѣсто въ цѣломъ мірѣ. Для достиженія сей великой цѣли Петръ вынужденъ былъ пожертвовать частью народнаго характера Россіи. Но и Петръ не коснулся основныхъ началъ ея жизни. Здѣсь видно особенное свойство русскаго характера — удобовоспріимчивость, соединенная съ совершенной безпощадностью: мы знаемъ чужое больше, нежели другіе, а живемъ по своему. Нынѣ Россія вступила въ новый великій періодъ своего бытія. Александръ заключилъ собой европейскій періодъ русской исторіи. Россія возмужала и стоитъ теперь на высокой челѣ величія и славы. Государство Россійское достигло претѣла могучаго развитія и представляетъ собой несокрушимую и вполне устроенную громаду. Въ этотъ торжественный часъ исторіи Провидѣніе ниспослало намъ Царя, — хранителя нашихъ народныхъ началъ — полагающаго основаніе новаго нашего просвѣщенія — русскаго, національнаго. вмѣстѣ съ этимъ наступаетъ новый и исторіально новый періодъ нашей исторіи, которому на высшей степени сію развитія, будетъ принадлежать, быть можетъ, слава слѣдаться періодомъ въ общей исторіи Европы и человѣчества. — Какъ велика Россія! Сколько въ ней населенія! Сколько въ ней природныхъ богатствъ! Какъ безмѣрны ея физическія и моральныя силы! — писалъ идеологъ николаевской Имперіи проф. Погодинъ. — И, наконецъ, можетъ ли чего нибудь опасаться Россія, и что есть невозможнаго для Русскаго Царя? «Одно слово, и цѣлая имперія не существуетъ; одно слово — стерта съ лица земли другая, слово — и вмѣсто нихъ возникаетъ третья отъ Восточнаго океана до моря Адриатическаго... Русскій Государь теперь безъ плановъ, безъ желаній, безъ замысловъ... ближе Карла V и Наполеона въ нихъ мечтѣ объ

универсальной Монархii... Да — будущая судьба мiра зависить отъ Россii... Какая блистательная слава! Европа отжила свой вѣкъ или, по крайней мѣрѣ, истратила свои лучшiя силы Но, развѣ все сдѣлано ею? Кто осмѣлится сказать, что шѣль человѣческая достигнута какииъ нибудь изъ Европейскихъ государствъ? Есть въ Истории чреда для народовъ, кои, одинъ за другимъ, выходятъ служить свою службу человечеству. До сихъ поръ однихъ Словенъ свѣтъ не видѣлъ еще на этой славной чредѣ. Нынѣ ихъ часъ. Но кто между Словенами теперь занимаетъ первое мѣсто? Кому изъ нихъ суждено выступить представителемъ всего славянскаго мiра? «Сердце трепещеть отъ радости... о Россiя! О, мое Отечество! Не тебѣ ли?.. О, если бы тебѣ!.. Тебѣ, тебѣ суждено довершить, увѣнчать развитие человечества, представить себѣ фазы его жизни, блиставшiя доселѣ порознь, въ славной совокупности, ...водворить всюду миръ и правду». — «Мы — Русскiе, обитатели шестой части свѣта... — писалъ, точно выражая имперскую идеологию николаевскаго царствованiя, А. Краевскiй. — Мы Русскiе, и это названiе для насъ выше всѣхъ названiй. Отечество наше, мiръ — государство, развилось на неизмѣримомъ протяженiи, такъ что солнце не заходитъ въ предѣлахъ его; въ немъ всѣ климаты сѣвернаго полушарiя; оно скрываетъ безчисленныя богатства и въ нѣдрахъ земли, и въ горахъ, и въ водахъ, и въ воздухѣ; оно, наконецъ, населено народомъ юнымъ, свѣжимъ, одареннымъ отъ природы всѣми благами ума и сердца и, при высокихъ чувствахъ души, сохраняющимъ полное смиренiе единой отеческой власти, этой осуществленной на землѣ мудрости... Неужели такая страна, такой народъ будетъ еще подражать? Неужели въ немъ не достанетъ силъ, чтобы безъ подражанiя, изъ самого себя вывести то просвѣщенiе, къ которому предопредѣлено человечество?» «Мы, рожденные отъ другого, нежели Европейскiе народы, племени, воспитанные подъ влiянiемъ другихъ обстоятельствъ, проведше жизнь уединенно... не можемъ сдѣлаться Европейцами. Если же не можемъ, то и не должны стараться быть ими». «Россiя и въ юности своей была государствомъ самобытнымъ, отвергнувшимъ всѣ покусенiя Запада, а въ крѣпости мужества своего она составляетъ незыблемый колоссъ. Лѣтописи мiра не представляютъ подобнаго величiя и могущества, и счастье быть русскимъ есть уже дипломъ на благородство среди другихъ Европейскихъ народовъ». — «Прошлое Россii было достойно удивленiя, — говорилъ шефъ жандармовъ Бенкендорфъ М. Ѳ. Орлову по поводу «Писемъ» Чаадаева, — ея настоящее болѣе, чѣмъ

великолѣпно; что же касается будущаго ея, то оно выше всего, что только можетъ нарисовать себѣ самое смѣлое воображеніе: вотъ съ какой точки зрѣнія, милый мой, надо понимать и писать исторію Россіи». — И, наконецъ, профъ Шевыревъ: «драма современной исторіи выражается двумя именами, изъ которыхъ одно звучитъ сладко нашему сердцу! Западъ и Россія, Россія и Западъ. — вотъ послѣднее слово Исторіи; вотъ два данныя для будущаго!.. Да, минута великая и рѣшительная! Западъ и Россія стоятъ другъ передъ другомъ лицомъ къ лицу!»

Почему Западъ и Россія стоятъ другъ передъ другомъ лицомъ къ лицу? И почему преимущество на сторонѣ Россіи? — Потому что Россія и Западъ — два разныхъ міра съ самобытными и противоположными стихіями и потому, что стихія Россіи чище и праведнѣе. «Россія никогда ничего не имѣла общаго съ остальной Европой» (Пушкинъ). «Ходъ Россіи не ходъ Европы» (Жуковский). Россія представляетъ собою святилище просвѣщенія истиннаго, а Западъ — вертепъ просвѣщенія ложнаго. Въ основаніи западныхъ государствъ завоеваніе и насиліе; въ основаніи Государства Россійскаго — мирное призваніе властителей; и въ этомъ первое существенное отличіе въ зернѣ, сѣмени Русскаго Государства, сравнительно съ прочими Европейскими. Западному просвѣщенію свойственны: безпокойство, движеніе, стремленіе внѣ, сила средобѣжная; Русскому — спокойствіе, герпѣніе, стремленіе внутрь, сила средостремительная. На Западѣ — вражда и рознь; въ Россіи — любовь и единеніе. Европа представляетъ теперь зрѣлище бездримѣрное и чрезвычайно поучительное. Въ одной половинѣ ея — западной — безначаліе и бунтъ, со всѣми своими ужасными послѣдствіями; въ другой — восточной — миръ и спокойствіе со всѣми своими благами. Въ жизни Западной Европы были, конечно, свои положительныя стороны, и Западъ имѣетъ богатое прошлое. Но западному просвѣщенію грозитъ затменіе, и Западная Европа впала въ тяжкую болѣзнь. Имя этой болѣзни — Революція. Огонь революціи тлѣетъ повсюду и готовъ сжечь всю Европу. Въ Европѣ нарину развратъ личной свободы. Она являетъ собою прискорбную картину разложенія. Всѣ сферы жизни опустѣли, всѣ пружины душевной дѣятельности ослабли. Европа изнемогаетъ. Европа умираетъ. «Въ нашихъ искреннихъ, дружескихъ, тѣсныхъ сношеніяхъ съ Западомъ мы не примѣчаемъ, что имѣемъ дѣло какъ будто съ человѣкомъ, посящимъ въ себѣ злой, заразительный недугъ, окруженнымъ атмосферой опаснаго дыханія. Мы цѣдуемся съ нимъ, обнима-

емся, дѣлимъ трапезу мысли, пьемъ чашу чувствъ и не замѣчаемъ скрытаго яда въ безпечномъ общеніи нашемъ, не чуемъ въ потѣхъ пира будущаго трупа, которымъ онъ уже пахнетъ!» (Шеннревъ). Если Россія не оградитъ себя отъ революціонной заразы идейнымъ карантинномъ, если революціонному потоку не будетъ противопоставленъ желѣзный барьеръ, онъ разольется повсюду, и гибель Европы — и западной и восточной — будетъ неминуема. Въ такія эпохи переломовъ и рушеній, Провидѣніе посылаетъ въ лицѣ иныхъ народовъ силу хранящую и соблюдающую: да будетъ же такою силою Россія въ отношеніи къ Западу! Благое Провидѣніе вело Русскій народъ къ возвышеннымъ цѣлямъ вдаль отъ тѣхъ бурь и волненій, которыя облили Европу кровью. Русь въ тишинѣ уединенія медленно и тайно приготавлилась къ тому блистательному поприщу, котораго границы теперь съ каждымъ днемъ становятся яснѣе и яснѣе. На всемъ протяженіи своего историческаго прошлаго Русскій народъ обнаруживалъ преданность вѣрѣ православной, покорность власти, кротость и смиреніе во всѣхъ внутреннихъ отношеніяхъ. И нынѣ, въ противоположность Европѣ, Россія полна силъ почти непочатыхъ, крѣпка вѣрой и своимъ политическимъ строемъ и непричастна ни одному изъ кровавыхъ событий Запада. Свободная отъ грѣховъ Европы Россія можетъ, въ эту роковую минуту, стать великимъ орудіемъ Провидѣнія къ спасенію всего человѣчества. «Русскій тронъ, въ виду мятежей народныхъ, уничтожающихъ святыню власти, непоколебимо устоитъ на твердомъ основаніи Божьей правды и вѣры въ нее Царя и народа» (Жуковскій). Спасая себя, Россія спасетъ и Европу. Высокое призваніе Россіи: спасти порядокъ на Западѣ, «возвратить народамъ покой, научить ихъ повиноваться властямъ...», однимъ словомъ, внести въ міръ, преданный безначалію, наше спасительное начало». Въ этомъ назначеніи Россіи, «указанное ей и Царемъ Небосычь, и царемъ земнымъ» (Чаадаевъ). Россія — не страхъ Европы, а стражъ ея. Свѣтильникъ истиннаго просвѣщенія — русскаго, христіанскаго — Россія озаритъ своимъ свѣтомъ и другія страны. Въ эпоху Ренессанса духовная культура перекочевала съ Востока на Западъ. Въ эпоху новаго Ренессанса, симптомы котораго видны, она возвращается съ Запада на Востокъ. — «Давно уже въ Европѣ существуютъ только двѣ дѣйствительныя силы: революція и Россія, — писалъ Тютчевъ. — Эти двѣ силы теперь противопоставлены одна другой, и, быть можетъ, завтра онѣ вступятъ въ борьбу. Между ними никакіе переговоры, никакіе трактаты невозможны; существованіе одной изъ нихъ

равносильно смерти другой». — «Не заражайтесь безсмыслиемъ Запада — это гадкая помойная яма», — писалъ въ своемъ дневникѣ помощникъ шефа жандармовъ Дубельтъ. — «Не лучше ли красивая молодость Россіи дряхлой, гнилой старости Западной Европы?» У насъ «порядокъ, послушаніе, любовь къ Государю...», а у нихъ.. голодь, непокорность, ненависть, баррикады, междоусобія... Ужъ если можно жить счастливо гдѣ нибудь, то это, конечно, въ Россіи» — «Вездѣ слезы, кровь и пламень! — говорилъ въ своей проповѣди по прочтеніи манифеста 14 марта 1848 года епископъ Иннокентій. — Одна Богомъ возведенная и Богомъ хранимая Россія, яко гора Сионъ, стоитъ непоколебима среди всемірныхъ треволненій». И снова Тютчевъ: «Западъ отходить, все рушится, все гибнетъ въ этомъ общемъ пожарѣ... И, когда надъ такимъ громаднымъ крушеніемъ мы видимъ всплывающую святымъ ковчегомъ эту Державу, еще болѣе громадную, — кто дерзнетъ усомниться въ ея призваніи, и намъ ли, ея сынамъ, являть себя невѣрующими и малодушными?»

Почему, посреди бурь, потрясающихъ Европу и волнующихъ окрестныя государства, Россія сохраняетъ величественное спокойствіе и, какъ гора Сионъ, стоитъ твердо и непоколебимо? Почему, передъ бушующей въ мірѣ Революціей, она являетъ собой пріютъ покоя и порядка? Потому, что она сохранила въ основаніи своемъ и пронесла черезъ свое прошлое три спасительныхъ истинно русскихъ начала, на которыхъ зиждется все ея бытіе. Каждый народъ несетъ въ основаніи своемъ нѣкія исключительныя начала, которыя сообщаютъ ему его характеръ и національность, отличаютъ его этимъ отъ другихъ народовъ и указуютъ ему мѣсто въ исторіи человѣчества. Такими началами, составляющими отличительный характеръ Россіи и ей исключительно принадлежащими являются: Православіе, Самодержавіе и Народность. Благоговѣніе къ православной вѣрѣ, преданность православному государю, любовь къ православной Россіи — таковы три коренныхъ чувства, которыя сохранилъ въ себѣ чистыми русский народъ, и въ которыхъ сѣмя и залогъ его будущаго развитія. Русский народъ искренне и глубоко привязанъ къ церкви отцовъ своихъ. Крестъ Христовъ положилъ свое знаменіе на всей русской жизни. Вѣра православная движетъ сердца русскіхъ людей. Вѣра православная лежитъ въ основаніи русскаго государства. Самодержавный царь строитъ «русское званіе великаго царства по плану Божьей правды» (Жуковский). И самъ Царь — «образъ Божій на землѣ» (Гоголь). Отсюда второе чувство, которымъ крѣпка Рос-

сія — святая любовь русскаго народа къ своему царю. Это «религиозно вѣроподданческое чувство» (выраженіе официальной бумаги) есть догматъ, хотя и неписанный, но такой же неприкосновенный, какъ догматы православной вѣры. «Русскій, преданный отчестію, столь же мало согласится на утрату одного изъ догматовъ нашего православія, сколь и на похищеніе одного перла изъ вѣнца Мономахова» (Уваровъ). Самодержавіе составляетъ главное условіе политическаго существованія Россіи. Русскій колоссъ упирается на немъ, какъ на краеугольномъ камнѣ своего величія. «Россія основалась побѣдами и единоначаліемъ, гибла отъ разновлестія, а спаслась мудрымъ самодержавіемъ». «Самодержавіе... воскресило Россію. Съ переменной государственнаго устава ея она... должна погибнуть, составленная изъ частей, столь многихъ и разныхъ, изъ коихъ всякая имѣетъ свои особенныя гражданскія пользы. Что, кромѣ единовлестія неограниченнаго, можетъ всей машиной производить единство дѣйствія?» (Карамзинъ). Только русскій царь, который во всякое мгновеніе единымъ движеніемъ своимъ можетъ давать ей ходъ, сообщать какое угодно ему направленіе и производить какую угодно быстроту, можетъ управлять такой огромной машиной. И, въ отвѣтъ на царское руководство, «эта машина... вся одушевлена... единымъ чувствомъ, и это чувство, завѣтное наслѣдство предковъ, есть покорность, безпредѣльная довѣренность и преданность царю, который для нея есть Богъ земной» (Погодинъ). Священный завѣтъ единства и любви между царемъ и царствомъ и есть источникъ и корень нашего могущества. На немъ Россія стоитъ незыблемо. — «Правленіе монархическое есть древнѣйшее и установлено самимъ Богомъ, — писалъ въ Наставленіи профессоръ Попечитель Казанскаго Округа Магницкій (еще въ царствованіи Александра I), — священная власть монарха... исходитъ отъ Бога, и законодательство, въ семъ порядкѣ установленное — есть выраженіе воли Всевышняго». «Россія имѣетъ счастье вѣрить Промыслу, который проявляетъ себя въ великихъ Царяхъ ея, — писалъ министръ Народнаго Просвѣщенія Николай I-го Уваровъ. — Тогда, какъ другіе народы не вѣдаютъ покоя и слабѣютъ отъ разномыслія, она крѣпка единодушіемъ непримѣрнымъ. Здѣсь Царь любитъ Отечество въ лицѣ народа и правитъ имъ, какъ Отецъ, руководствуясь Законами; и народъ не умѣетъ отдѣлять Отечество отъ Царя и видитъ въ Немъ свое счастье, силу и славу». «Царь есть намѣстникъ Божій, а царская власть есть преобразование единодержавія вѣчнаго и довременнаго разума», — писалъ глава Ор-

дена русской интеллигенціи Бѣлинскій въ годы своего примиренія съ николаевскою дѣйствительностью. «Въ словѣ Царь чудно слито сознание русскаго народа, и для него это слово полно поэзіи и таинственнаго значенія... Ходъ нашей исторіи обратный въ отношеніи къ европейской: въ Европѣ точкой управленія жизни всегда была борьба и побѣда низшихъ ступеней государственной жизни надъ высшими...; у насъ правительство всегда шло впереди народа, всегда было звѣздой путеводною къ его высокому назначенію; царская власть была живымъ источникомъ, въ которомъ не изсякали воды обновленія, солнцемъ, лучи котораго, исходя отъ центра, разбѣгались по суставамъ... государственнаго тѣла и проникали ихъ жизненной теплотой и свѣтомъ... Въ царѣ наша свобода, потому что отъ него наша новая цивилизація, наше просвѣщеніе, такъ же, какъ отъ него наша жизнь... Всякій шагъ впередъ русскаго народа... всегда былъ актомъ царской власти... Отсюда... эта дивная симпатія, сдѣлавшая единое и цѣлое изъ двухъ началъ, это всегдашнее и безусловное повиновение царской волѣ, какъ волѣ самого Провидѣнія... И наше русское народное сознание вполнѣ выражается и вполнѣ исчерпывается словомъ Царь, въ отношеніи къ которому отечество есть понятіе подчиненное, слѣдствіе причины... И такъ... пора сознать, что мы имѣемъ разумное право быть горды нашею любовью къ царю, нашей безграничной преданностью его священной волѣ, какъ горды англичане своими государственными постановленіями... какъ горды С. А. Штаты своей свободой». — Таковы два основныхъ начала, на которыхъ стоитъ Россія — Православіе и Самодержавіе. Таковы два коренныхъ чувства, которыми живетъ русскій народъ — «искренняя, непритворная набожность... къ Богу и царю» (гр. Орловъ). На этихъ двухъ началахъ, на этихъ двухъ чувствахъ создается третье — сознание нашего національнаго лица — Народность. Православіе, Самодержавіе и Народность составляютъ «твердые, крѣпкія столпостѣны, на которыхъ, подъ державой Мономахова потомства, Святая Русь удержалась, удерживается и удержится, пока онѣ не будутъ поколеблены, въ своихъ заветныхъ, священнѣйшихъ основаніяхъ» (Погодинъ).

Если Православіе, Самодержавіе и Народность составляютъ тѣ священныя національныя начала, на которыхъ Россія тысячу лѣтъ стояла неколебимо, то каково должно быть направленіе государственной политики Россійской Имперіи въ настоящемъ и будущемъ? — **Х р а н и т е л ь н о е** и **с о б л ю д а ю щ е е**. Трѣхдѣльный догматъ Россійской имперской вѣры не тре-

буетъ хода назадъ — движенія «возвратнаго» — или и неподвижности и не предписываетъ непроницаемаго для внешнихъ влияній замыканія въ себѣ. Наоборотъ, онъ предполагаетъ движеніе впередъ — внутреннее развитіе — и онъ допускаетъ общеніе съ Европой. Только это движеніе впередъ должно быть медленнымъ и постепеннымъ, «не торопя времени»; ибо «лучшія и прочтѣннѣія измѣненія суть тѣ, которыя происходятъ отъ одного улучшенія нравовъ, безъ насильственныхъ потрясеній политическихъ, страшныхъ для человѣчества» (Пушкинъ). Время — единственный «вѣрный, сильный, но медленный создатель лучшаго»; оно «послушно одному Богу» (Жуковский). А внутреннее развитіе должно исходить преимущественно изъ элементовъ отечественныхъ и сохраняя неприкосновенными святилища нашихъ народныхъ понятій. Что касается общенія съ Западомъ, то оно допустимо при одномъ условіи: чтобы, заимствуя оттуда, мы отметали все то, что служить къ разрушенію, а не къ созиданію, и чтобы европейское просвѣщеніе, проникающее къ намъ, было приурочено къ русскому народному быту. Допуская движеніе впередъ и общеніе съ Европой, имперскій догматъ, какъ общее направленіе государственной политики, предполагаетъ, однако, иное: х р а н е н і е. Посреди быстрого паденія религиозныхъ и гражданскихъ понятій и идей, государственная политика Россійской Имперіи должна быть направлена къ одной цѣли: сохранить сокровища великаго прошедшаго нашего отечества, сберечь тѣ священные начала, на которыхъ созидалась сила, слава и благоденствіе русскаго народа, и на этихъ началахъ укрѣпить якорь нашего спасенія. Потому высшее благо для Россіи — неизбежность существующаго въ ней законнаго порядка. Ибо, если, при существующемъ порядкѣ, Россія стала великой и прославленной, то должно опасаться, чтобы это величіе не утратилось безсильнымъ стремленіемъ къ лучшему. А мудрая политика всѣхъ временъ требуетъ, чтобы новости въ государственныхъ установленіяхъ были допущены только въ крайности. Ибо новости ведутъ къ новостямъ и благопріятствуютъ необузданностямъ произвола. «Кто дерзаетъ на настоящее вѣрное зло для будущаго невѣрнаго блага, тотъ — злодѣй», — писалъ Жуковский. «Если государство при изыстномъ образѣ правленія, созрѣло, укрѣпилось, обогатилось, распространилось и благоденствуетъ, — записаны въ памятной книжкѣ Верстовскаго слова главнаго вдохновителя николаевской идеологии Карамзина, — не троньте этого правленія; видно оно сродно, прилично Государству, и введеніе въ немъ другаго было бы ему ги-

бельно и вредно». «Всѣ мудрые законодатели, — писалъ самъ Карамзинъ въ своей запискѣ «О Древней и Новой Россіи», — принуждаемые измѣнять уставы полигическіе, старались, какъ можно менѣе, отходить отъ старыхъ. Зло, къ которому мы привыкли, для насъ чувствительно менѣе новаго, а новому добру какъ то не вѣрится; перемѣны сдѣланныя не ручаются за пользу будущихъ, ожидаютъ ихъ болѣе со страхомъ, нежели съ надеждою, ибо къ древнимъ государственнымъ зданіямъ прикасаться опасно; Россія же существуетъ около тысячи лѣтъ и не въ образѣ дикой Орды, но въ видѣ Государства великаго... Требуемъ болѣе мудрости хранительной, нежели творческой». Имперскую хранительную мудрость Карамзинъ точно формулировалъ въ словахъ, сказанныхъ имъ однажды Н. Тургеневу: «мнѣ хочется только, чтобы Россія подолѣе постояла». На что орденскій человекъ Тургеневъ осмѣлился замѣтить, въ точномъ соотвѣтствіи съ духомъ Ордена: «да что прибыли въ такомъ стояніи».

Такова идеологія николаевской Имперіи: величіе Россіи; чудесный ходъ ея исторіи; ея особость; ея противостояніе Западу, какъ міра порядка міру Революціи; священныя основы ея бытія — Православіе, Самодержавіе, Народность; храненіе этихъ основъ. Эта идеологія не только опредѣляетъ всю политику николаевскаго царствованія — виѣшнюю и внутреннюю. Она положена въ основу всего русскаго просвѣщенія, всего воспитанія молодыхъ поколѣній. И она должна направлять духъ народа. Ибо нѣтъ и не можетъ быть другого просвѣщенія, кромѣ сознательнаго благоговѣнія къ Богу, Престолу, Отечеству. И на этихъ устояхъ укрѣпленъ якорь спасенія Россіи. Россія окружена моремъ Революціи. Революціонныя волны заливаютъ окрестныя государства и угрожаютъ ея берегамъ. Какъ остановить сей разрушительный потокъ? Какъ охранить русскій народъ отъ зараженія идеями, поколебавшими уже едва ли не всѣ государства Европы? Для идей нѣтъ ни стѣнъ, ни таможенъ: при всей бдительности, онѣ, неудержимыя и безусловныя, переносятся черезъ моря и горы. Ихъ нельзя побѣдить въ сраженіи, и нѣтъ такихъ артилерійскихъ снарядовъ, которые могли бы въ нихъ поладать. Переломить силу разрушительныхъ «европейскихъ идей» въ общественномъ мнѣніи и обуздать такъ называемый «духъ времени» можно только однимъ способомъ: черезъ наклонность къ другимъ идеямъ, къ другимъ понятіямъ и началамъ. Противъ «чужеземнаго идеологизма» должно умножать число отечественныхъ умственныхъ плотинъ. Потому священнѣйшая обязанность Правительства, въ дѣлѣ охра-

ненія благосостоянія Россійской Державы, — народное просвѣщеніе, воспитаніе будущихъ поколѣній и руководство народнымъ духомъ. Только Просвѣщеніе должно быть истинно русскимъ, истекающимъ изъ коренныхъ началъ нашей народности и оно должно быть поставлено, въ государствѣ нашемъ, на твердыхъ и единообразныхъ правилахъ; а воспитаніе молодыхъ поколѣній и руководство духомъ народа должны быть сосредоточены въ рукахъ власти и направляться Верховнымъ Вождемъ Имперіи. Ибо не просвѣщенію, но праздности ума, недостатку твердыхъ познаній должно приписать то своевольство мысли, ту пагубную роскошь полупознаній, тотъ порывъ въ мечтательныя крайности, кои волнуютъ незрѣлыя головы, и коихъ начало есть порча нравовъ, а конецъ — гибель. Не просвѣщеніе развращаетъ людей, а ложное его направленіе. И тщетны будутъ всѣ усилія, всѣ пожертвованія Правительства для блага отечества, если воспитаніе молодежи и руководство духомъ народа не будутъ преуговлять нравы и содѣйствовать его видамъ. Кто же, кромя державнаго Вождя, можетъ поднять на свои рамена такую тяжесть! Въ другихъ странахъ просвѣщеніе возникало самодѣтельно, развивалось сразу во многихъ мѣстахъ и съ разныхъ сторонъ. Не такъ у насъ. У насъ само Правительство выдвигало народъ на стезю просвѣщенія и предносило подданнымъ свѣтильникъ образованія, ведя ихъ по пути, указанному Монархами. Наши мудрые правители, постигнувъ важность вліянія просвѣщенія на судьбы Государства, старались сдѣлать его народнымъ, дабы всѣ подданные были причастниками сего благотворнаго свѣта, каждый по мѣрѣ нужды своего состоянія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, блюли неотступно за воспитаніемъ молодыхъ поколѣній и за духомъ народа, ограждая ихъ отъ зараженія тлетворными понятіями. Ибо, если движеніе къ свѣту необходимо для отдѣльнаго чловѣка, то попечительное въ семъ дѣлѣ участіе Правительства необходимо для народовъ. Только Правительство имѣетъ всѣ средства знать и высоту успѣховъ всемірнаго образованія и настоящія нужды Отечества. Соображая ходъ новыхъ идей съ вѣрой, учрежденіями и обычаями государства, оно содѣйствуетъ, сколько можно болѣе, естественному для страны своей чирному и прочному въ ней развитію Просвѣщенія, блюдетъ истинныя выгоды народа и предохраняетъ его отъ тѣхъ нравственно-политическихъ язвъ, которыя губили другія государства. Такъ поступали безсмертный Просвѣтитель Россіи Петръ, Великая Екатерина, Александръ. И нынѣ, когда Россіей правитъ Государь, положившій въ основаніе своего царствованія русскія націо-

нальняя начала, задача Правительства сосредоточить въ своихъ рукахъ все Просвѣщеніе народа, сообразить его съ указанными началами и направлять согласно повеленіямъ Монарха, неуспѣшно пекушагося о пользѣ Богомъ врученной ему страны. — Каково должно быть Русское Просвѣщеніе? Какова должна быть система общественнаго образованія молодыхъ поколѣній и воспитанія духа народа? Умы, устрешенные ужасами, потрясающими Европу, ближе замкнулись, въ настоящее время, около нашихъ народныхъ началъ и учреждений. Поправленіе всего священнаго, нарушеніе всѣхъ началъ нравственныхъ и политическихъ, гибель и раздоры, распростраенные въ западныхъ государствахъ, побуждаютъ насъ болѣе, чѣмъ когда либо проложить твердую, непроницаемую черту между заблужденіями мнимаго всемірнаго просвѣщенія и необходимымъ развитіемъ нашего нравственнаго образованія. Система общественнаго воспитанія Россіи должна быть построена такъ, чтобы она соединяла въ себѣ всѣ выгоды нашего времени съ преданіемъ прошлаго и надеждами будущаго; чтобы народное образованіе соответствовало нашему порядку вещей и было бы не чуждо европейскаго духа. «Изгладить противоборство такъ называемаго европейскаго образованія съ потребностями нашими; исцѣлить новѣйшее поколѣніе отъ слѣпого необдуманнаго пристрастія къ поверхностному и иноземному, распространяя въ юныхъ душахъ радужное уваженіе къ отечественному и полное убѣжденіе, что только приращеніе общаго, всемірнаго просвѣщенія къ нашему народному быту, къ нашему народному духу можетъ привести истинные плоды всѣмъ и каждому; потомъ обнять вѣрнымъ взглядомъ огромное поприще, открытое передъ любезнымъ отечествомъ, оцѣнить съ точностью всѣ противоположные элементы нашего гражданскаго образованія... обратить сіи разнующіеся элементы..., по мѣрѣ возможности, къ одному значенію; наконецъ, искать этого значенія въ тройственномъ понятіи п р а в о с л а в і я , с а м о д е р ж а в і я и н а р о д н о с т и » — такова задача Министерства Народнаго Просвѣщенія, которому Державный Вождь поручилъ руководить учамъ поколѣній. — Однако, какъ ни священы начала, которыя положены въ основу образованія народа, какъ ни велика задача, указанная Министерству, оно не должно ограничиваться ею. На помощь Просвѣщенію должна быть привлечена сила нравственнаго воспитанія. Заставить эту силу содѣйствовать осуществленію высокихъ намѣреній Монарха должно быть одной изъ первыхъ обязанностей Правительства. Ибо принципъ, выставленный нѣкоторыми, что Просвѣщеніе есть

все, есть принцип ложный: нравственность, исполнение служебнаго долга, усердіе должны быть предпочтены Ученію. И покорность верховной власти, какъ данной свыше, должна быть закономъ общественныхъ отношеній. Или, какъ сказано въ Наставленіяхъ для образованія воспитанниковъ Военныхъ Учебныхъ Заведеній: «что совѣсть для внутреннихъ побужденій челоѣка, то власть Верховная для явныхъ, изслѣдимыхъ его дѣйствій. И та, и другая суть равно орудія Провидѣнія». — И, наконецъ, что касается распространенія Просвѣщенія среди разныхъ слоевъ населенія: Министерство должно блюсти за тѣмъ, чтобы народное образованіе было сообразно съ настоящимъ устройствомъ нашихъ состояній, и чтобы оно строго соотвѣтствовало умственнымъ и нравственнымъ потребностямъ каждаго изъ сословій. Съ этой цѣлью предметы ученія должны быть разграничены между различными состояніями, и самые способы преподаванія сообразованы съ будущимъ назначеніемъ учащихся — такъ, чтобы каждый пріобрѣталъ познанія, наиболѣе для него нужныя, и, не бывъ ниже своего состоянія, также не стремился чрезъ мѣру возвыситься надъ тѣмъ, въ коемъ, по обыкновенному теченію, было ему суждено оставаться. Ибо, если, съ одной стороны, просторное развитіе умственныхъ способностей приноситъ несомнѣнную пользу, то, съ другой, это развитіе не должно колебать порядокъ гражданскихъ сословій, возбуждая въ юныхъ умахъ порывъ къ пріобрѣтенію роскошныхъ знаній, практическое приложеніе коихъ впоследствии обманываетъ надежды родителей и мечтательное ожиданіе юношей. «Система общественного образованія тогда только можетъ назваться правильно расположенной, когда она всякому открываетъ способы получить такое воспитаніе, какое соотвѣтственно роду жизни его и будущему призванію въ гражданскомъ обществѣ» (Уваровъ). — Для осуществленія всѣхъ указанныхъ задачъ, Министерство должно принять мѣры: чтобы не только казенныя и частныя школы, низшія и среднія, но и домашнее образованіе находились подъ строгимъ надзоромъ начальства; чтобы университеты были сближены съ коренными началами нашего управленія, и чтобы ихъ внутреннее устройство было приспособлено къ начертаніямъ правительства о точнѣйшемъ и неразрывномъ наблюденіи за духомъ и ходомъ высшихъ учебныхъ заведеній; чтобы преподаватели употребляли всѣ силы, дабы сдѣлаться достойнымъ орудіемъ власти и дабы передать юному поколѣнію сокровища мудрости, освященной преданностью къ Престолу и Отечеству; чтобы инспекція бдительно наблюдала за нравственнымъ вос-

питаніемъ и «наружнымъ образованіемъ» учащихся; чтобы редакторы періодическихъ изданій всѣми мѣрами старались давать своимъ журналамъ направленіе совершенно согласное съ видами правительства; и, наконецъ, чтобы литература направляла общественное мнѣніе согласно политическимъ обстоятельствамъ времени и наставляла читателей, какимъ образомъ они могутъ лучше содѣйствовать высокимъ намѣреніямъ Отца Отечества. Ибо, согласно законамъ Россійской Имперіи, литература, наука и образованіе не составляютъ духовной пищи, на которую Россійскіе граждане имѣютъ неотъемлемое право, а являютъ собою могучее орудіе, при помощи котораго Правительство сообразуетъ духъ народа съ общей системой государственнаго управленія. По словамъ Уварова, Правительство всегда властно лишитъ писателя права говорить съ публикой и, притомъ, на основаніяхъ вполне юридическихъ, ибо «въ правахъ Россійскаго гражданина нѣтъ права обращаться письменно къ публикѣ. Это привилегія, которую Правительство можетъ дать и отнять, когда хочетъ». «Въ нашей Россіи, — писалъ Дубельтъ, — должны ученые поступать, какъ аптекари, владѣющіе и благотворными, цѣлительными средствами, и ядами — и отпускать ученость только по рецепту Правительства». Такимъ образомъ, въ рукахъ власти сосредоточивается вся умственная жизнь страны и отсюда, какъ изъ центра, разливается по всему государству, сообразно съ назначеніемъ сословій, создавая единство и цѣлостность народнаго духа. «Въ царствованіи Вашего Величества, — писалъ во Всеподданнѣйшемъ докладѣ Уваровъ, — главная задача по Министерству Народнаго Просвѣщенія состояла въ томъ, чтобы собрать и соединить въ рукахъ Правительства всѣ умственныя силы, дотолѣ раздробленныя, всѣ средства общаго и частнаго образованія, оставшіяся безъ уваженія и частью безъ надзора, всѣ элементы, принявшіе направленіе неблагонадежное или даже превратное, усвоить развитіе умовъ потребностямъ государства, обезпечить, сколько дано человѣческому размышленію, будущее въ настоящемъ». «У насъ, — писалъ проф. Давыдовъ, — мудрый Монархъ, окруженный знаменитѣйшими мужами, Русскими по сердцу и Европейцами по обширности своихъ познаній, представляется въ величественномъ образѣ, какъ умственное солнце, которое... устремляетъ къ однимъ и тѣмъ же идеямъ 50 милліоновъ умовъ, озаряетъ своими лучами и оживляетъ своей жизнью все, что подчинено закону его притяженія». — Николаевская Имперія — не только Православная, Самодержавная и Народная Монархія; это, въ то же время, — выражаясь

современнымъ языкомъ, — идеократія, охватывающая своей системой все просвѣщеніе страны и все теченіе государственной жизни.

Кто создатель этой идеократической системы? Кто творецъ идеологии, положенной въ ея основу? Историки указываютъ на министра Народнаго Просвѣщенія Николая I — графа Уварова. И, дѣйствительно, Уваровъ въ теченіе 17 лѣтъ стоялъ во главѣ государственнаго образованія Россіи, далъ опредѣленіе основнымъ началамъ правительственной идеологии и былъ, по всей вѣроятности, авторомъ, и уже вѣтъ сомнѣнія, «провозгласителемъ» тріединого символа имперской вѣры. Во всякомъ случаѣ, когда въ 1846 году ему былъ пожалованъ графскій титулъ, «Православіе, Самодержавіе, Народность» вошли, какъ девизъ, въ его гербъ. Однако, изъ этого никакъ не слѣдуетъ заключать, что онъ игралъ какую нибудь творческую роль въ развитіи «Православно-Русскаго Ученія» и былъ создателемъ правительственной системы народнаго образованія. Самостоятельныхъ и творческихъ государственныхъ дѣятелей при Николаѣ не было и быть не могло. Какъ Сперанскій и Киселевъ въ своихъ частяхъ, такъ и Уваровъ былъ только «начальникомъ штаба» по части просвѣщенія. Главнокомандующій во всѣхъ частяхъ былъ одинъ — самъ Николай. Да по своимъ качествамъ Уваровъ и не могъ играть самостоятельной роли. По свидѣтельству современниковъ, это былъ просвѣщенный и разносторонне образованный человекъ, — «первый ученый человекъ въ Россіи изъ Русскихъ», по свидѣтельству Сперанскаго — съ умомъ живымъ и гибкимъ. Говорилъ онъ убѣдительно и красиво и умѣлъ облекать свои писанія въ пріятныя литературныя формы. Однако умъ его былъ не глубокой и не творческой, а характеръ мелкій, нестойкій и податливый. Свои таланты онъ употреблялъ на то, чтобы добиваться вліянія при дворѣ, а идеи сообразовалъ со взглядами монарховъ, которымъ служить, чѣмъ и привлечь къ себѣ вниманіе Николая. «Люди порядочные...., — рассказываетъ историкъ Соловьевъ, — съ горемъ признавались, что не было такой низости, которой бы онъ не былъ въ состояніи сдѣлать». Про Сперанскаго баронъ Корфъ говоритъ въ своихъ запискахъ: «онъ былъ либераломъ, пока ему приказано было быть либераломъ, и сдѣлался ультра, когда ему приказали быть ультра... Чтобы быть опаснымъ, надо имѣть характеръ и твердую волю, а Сперанскій всегда искалъ болѣе милости, чѣмъ славы». То же, но съ гораздо большимъ основаніемъ можно сказать и объ Уваровѣ. Въ началѣ царствованія Александра I онъ находился подъ вліяніемъ его «молодыхъ друзей». Во вто-

рую половину онъ сближается съ карамзинистами, выходитъ «изъ полку либералистовъ» и становится «сторисомъ» — сочетание легитимизма съ умѣренной свободой. Съ 1815 года онъ членъ «Арзамаса», для взглядовъ котораго характерны слова А. Тургенева: исторія Карамзина «послужитъ намъ красугольнымъ камнемъ для православія, народнаго воспитанія, монархическаго управленія и, Богъ дастъ, русской возможной конституціи». Въ 1818 году, послѣ парнавской рѣчи государя, когда многіе «пылали свободолюбіемъ», онъ самъ произноситъ рѣчь, въ которой доказываетъ: что подлинное просвѣщеніе «есть ничто иное, какъ точное знаніе нашихъ правъ и обязанностей, т. е. правъ и обязанностей челоука и гражданина»; что «и мы, по причѣру Европы, начинаемъ помышлять о свободныхъ понятіяхъ», и что «политическая свобода есть послѣдній и прекраснѣйшій даръ Бога». По этому поводу С. Тургеневъ записалъ въ своемъ дневникѣ отъ 12 іюня 1818 года: «дай Богъ, чтобы либеральныя мысли въ рѣчи Уварова не были однимъ только отголоскомъ пустыхъ звуковъ, увавшихъ недавно съ трона прямо въ Москву». Но вотъ на престолъ вступилъ Николай. Возстаніе декабристовъ подавлено. Уваровъ быстро приспособляетъ свои взгляды къ новому «національному» направленію. 12 января 1832 года проф. Максимовичъ въ торжественноиъ собраніи Московскаго Университета, въ рѣчи О Русскомъ Просвѣщеніи, заявилъ: «нашъ царь, постановилъ воспитаніе важнѣйшимъ дѣломъ государственнымъ, желаетъ, чтобы оно было отечественное... Онъ назначилъ для будущаго преподаванія въ университетахъ избрать юношей изъ природныхъ Россіянь: будътеистинно Русскими — вѣщаль онъ». 21 апрѣля воспослѣдовалъ Высочайшій указъ «о бытіи президенту Императорской Академіи Наукъ т. с. Уварову товарищемъ Министра Народнаго Просвѣщенія». 9 августа Уваровъ отправился въ командировку для обзорѣнія Московскаго Университета и, вернувшись, представилъ отчетъ, который былъ составленъ съ такимъ пониманіемъ взглядовъ Николая, что непременно долженъ былъ провести автора его на министерскій постъ (Корниловъ). Въ отчетѣ онъ писалъ: «что въ общемъ смыслѣ духъ и расположеніе умовъ молодыхъ людей ожидаютъ только обдуманнаго направленія, дабы образовать въ большомъ числѣ оныхъ полезныхъ и усердныхъ орудій Правительства, что сей духъ готовъ принять впечатлѣній вѣрноподданической любви къ существующему порядку» и «что намъ остаются средства..., постепенно завладѣвши умами юношества, привести оное почти нечувствительно къ той точкѣ,

гдѣ слѣяться должны... образованіе правильное, основательное, необходимое въ нашемъ вѣкѣ, съ глубокимъ убѣжденіемъ и теплою вѣрой въ истинно Русскія охранительныя начала..., составляющія... вѣрнѣйшій залогъ силы и величія нашего отечества». 21 марта 1833 года Уваровъ уже былъ Министромъ, хотя лично Государь его и не долюбивалъ. Николай взялъ его въ свои помощники потому, что нашелъ въ его докладѣ свои собственныя идеи (отлично выраженыя и сведенныя въ звучныя торжественныя формулы). Это было не удивительно... Съ этихъ поръ Уваровъ — покорный исполнитель Верховной воли и «орудіе высокихъ видовъ» Е. В., какъ самъ онъ выражался. Николай и проявлялъ свою волю, нисколько не стѣсняясь ученостью своего Министра. По словамъ Б. Чичерина, Уваровъ боялся Государя, какъ огня, и его «трясла лихорадка всякій разъ, какъ приходилось являться къ царю съ докладомъ». «Онъ самъ говорилъ Грановскому, что, управляя министерствомъ, онъ находился въ положеніи чловѣка, который, убѣгая отъ дикаго звѣря, бросаетъ ему одну за другой всѣ части своей одежды, чтобы чѣмъ нибудь его занять». «Части одежды» были: русская литература, наука и просвѣщеніе. Уваровъ и душилъ ихъ, требуя отъ литераторовъ, ученыхъ и профессоровъ вѣрноподданческой преданности провозглашенной имъ вѣрѣ. «Имъ не удастся, — говорилъ онъ цензору Никитенко о литераторахъ Гречѣ, Полевомъ и Сеньковскомъ, — бросить свои сѣмена на ниву, на которой я сѣю и которой я состою стражемъ — нѣтъ не удастся. Мое дѣло не только блюсти за Просвѣщеніемъ, но и... за духомъ поколѣній». Но порой и онъ приходилъ въ отчаяніе отъ ненасытности «звѣря». Въ 1843 году онъ жаловался Попечителю Петербургскаго Округа князю Волконскому: что «хочетъ, чтобы, наконецъ, русская литература прекратилась. Тогда, по крайней мѣрѣ, будетъ что нибудь определенное, а главное я буду спать спокойно». Пушкина онъ ненавидѣлъ, не столько за беспокойство, сколько за стихотвореніе «На выздоровленіе Лукулла» (въ которомъ былъ выведенъ). Зато и литераторы платили ему тѣмъ же чувствомъ. «Предъ всѣми вышшими властями пресмыкающийся Уваровъ», — писалъ о немъ Вигель. «Всѣхъ оподляющей Уваровъ», — писалъ А. Тургеневъ. Даже вѣрноподданный Булгаринъ писалъ о немъ: «набросилъ на все тѣнь, навелъ страхъ и ужасъ на умы и сердца, истреблялъ мысль и чувства». Пушкинъ выражался проще и яснѣе: «Уваровъ, большой подлецъ» — «это большой негодяй и шарлатанъ». На самомъ дѣлѣ Уваровъ ни подлецомъ, ни негодяемъ, ни шарлатаномъ не былъ. Онъ только рабски служилъ

своему Государю, твердо зная, что никакое иное служеніе при Николаѣ невозможно. Но для самостоятельной идеологической роли, онъ, явно, не годился.

Еще менѣе годились для творческой идеологической роли близкіе помощники Уварова по части сѣянія на народную ниву плодоносныхъ зеренъ истинно русскаго Просвѣщенія — профессора Погодинъ, Шевыревъ, Лавыдовъ, Максимовичъ и другіе. Въ большей части это были типичные для николаевтской Имперіи ученые чиновники, добросовѣстно несшіе службу по университетскому преподаванію и добросовѣстно трудившіеся на поприщѣ отечественной науки по своимъ специальностямъ, но не склонные, по своимъ дарованіямъ, къ широкимъ научнымъ общеніямъ и сознательно уклонявшіеся, по своему положенію, отъ построения собственныхъ идеологическихъ системъ. Наиболѣе извѣстный изъ нихъ профессоръ Погодинъ оставилъ послѣ себя множество ученыхъ трудовъ, представляющихъ значительную цѣнность въ смыслѣ собранія и обработки матеріаловъ по русской исторіи. Но такое профессорское служеніе начальства не удовлетворяло. Правительственный заказъ требовалъ большаго. Университетскіе преподаватели должны были проливать въ юные умы учащихся благотворный свѣтъ Русскаго Ученія, въ духѣ преданности и любви къ Церкви, Царю и Отечеству; а ученые — показать пламенное усердіе въ раскрытіи истинно Русскихъ началъ и истинно Русской народности, въ согласіи съ видами Правительства на основы Русскаго Просвѣщенія. Въ отвѣтъ на Правительственный заказъ, профессоръ и показывали свое усердіе. Въ особенности, старались преподаватели Русской Исторіи, Словесности и другихъ отечественныхъ предметовъ, на плечи которыхъ возложена была главная тяжесть научнаго обоснованія указной идеологіи. Проф. Погодинъ, помимо ученыхъ трудовъ, написалъ рядъ статей обобщающаго характера, въ которыхъ Русская Исторія должна была сослужить государственную службу. «Русская исторія, — писалъ онъ въ Москвитянинѣ въ 1846 году, — представляетъ всегда Россію однимъ семействомъ, въ которомъ Государь — отецъ, а подданные — дѣти. Отецъ сохраняетъ надъ дѣтьми полную власть, предоставляя имъ полную свободу; между отцомъ и дѣтьми не можетъ быть недоумчивости, изчѣяны; судьба, счастье и спокойствіе ихъ общія... Вотъ тайна русской исторіи». «Россійская исторія...», — писалъ онъ еще, — книга бытія нашего». «Россійская исторія можетъ сдѣлаться охранительницею и блюстительницею общественнаго спокойствія,

самую вѣрною и надежною». Всѣ такія статьи писались обычно или по порученію начальства, или по какому нибудь торжественному случаю, причемъ часть изъ нихъ предварительно прочитывалась Министромъ, восходя въ отдѣльныхъ случаяхъ до самого Трона. По поводу одной изъ такихъ статей Погодинъ получилъ отъ Бенкендорфа запросъ: «чего онъ желаетъ за статью о Подышѣ, которая читана и понравилась?» Во всякомъ случаѣ, въ служебной карьерѣ Погодина эти статьи сыграли большую роль. Подобныя же статьи писали и другіе профессора, причемъ авторы ихъ, при развѣтѣ темы, неукомненно слѣдовали направленію, указанному властью и не отклонялись отъ него ни направо, ни налево. Должно было славить старую Московскую Русь, но нельзя было хулить Петра, эту Русь разрушившаго, ибо Государь Петра боготворилъ и бралъ его образцомъ для своего царствования. («Петръ былъ образецъ земныхъ царей, — писалъ Полевой въ запискѣ, представленной Бенкендорфу. — И разгадать жизнь Его значитъ разгадать судьбу Русской Земли... Вся прежняя Россійская исторія была приготовленіемъ къ періоду Петра. Вся новая исторія до Николая была развитіемъ періода Петра. Нынѣ развитіе это достигло своего предѣла. Богъ послалъ другого сына судьбъ, который началъ періодъ новый... Мы знаемъ кто ожилъ въ немъ.») Должно было утверждать особость Россіи и ея противостояніе Западу, но нельзя было отвергать и Европу, ибо Николай былъ связанъ съ ней родственными узами и хотѣлъ, чтобы Россія жила въ европейской семьѣ, занимая въ ней руководящее мѣсто. Должно было признавать Словенскій міръ и кровную связь съ нимъ Россіи, но нельзя было предлагать соединеніе всѣхъ Словенъ въ одну монархію, хотя бы подъ Русскимъ Скипетромъ, ибо Государь ненавидѣлъ всѣ народы, встающіе противъ своихъ властелиновъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они были турецкими султанами. Что касается Православія, Самодержавія и Народности — должно было безгранично славить эти коренныя начала, но нельзя было слишкомъ углубляться въ ихъ раскрытіе, ибо это касалось предметовъ священныхъ. Когда подлинныя мыслители и ученые, — Славянофилы — цѣлкомъ принимавшіе Правительственный Символь Вѣры, попытались это слѣлать, они были заподозрены въ ереси, подвергнуты преслѣдованіямъ и почти насильственно загнаны въ Орденскій лагерь. Само собой разумѣется, что ученые помощники Уварова такихъ попытокъ не дѣлали. Начальника своего они боялись не меньше, чѣмъ Уваровъ Николая, и слѣдовали за нимъ слѣпо. Погодинъ и Шевыревъ, — по сло-

вамъ Герцена, — были «добросовѣстно работѣнны» и недаромъ они заслужили эпитетъ «холоповъ села Порѣчнаго» (Имѣніе Уварова). Когда Уваровъ посѣтилъ Погодина въ его домѣ, профессоръ привѣтствовалъ его слѣдующей рѣчью: «никогда русское ученое сословіе.. не получало отъ Правительства такого знака вниманія, участія, уваженія, какое получаю я теперь въ Вашемъ посѣщеніи моей ученой кельи... Примите увѣренія, что оно живо чувствуетъ всѣ Ваши отеческія поличенія и потщится всѣми силами, прося свое служеніе подъ Вашимъ руководствомъ, въ духѣ Православія, Самодержавія и Народности, заслуживать болѣе и болѣе милость царскую». Про другого профессора цензоръ Никитинко писалъ: «Давыдовъ въ большой чести у Уварова. Онъ добился этого грубой лестью, которую Министръ принимаетъ всегда съ протодушіемъ ребенка». «Учащіе — что такое? — писалъ онъ же о такихъ профессорахъ. — Офицеры, которые сурово управляютъ съ истиной и заставляютъ ее вертѣться во всѣ стороны передъ своими слушателями». И, дѣйствительно, «истина» была всецѣло отдана на служеніе Власти. Въ статьѣ «О Назначеніи Русскихъ Университетовъ», проредактированной и исправленной Уваровымъ, проф. Давыдовъ писалъ: «разливать благотворный свѣтъ современной науки, ...хранить во всей чистотѣ и богатіи отечественный языкъ, органъ нашего Православія и Самодержавія, передавать юному поколѣнію сокровища мудрости, освященной любовью къ Вѣрѣ и Престолу — вотъ назначеніе русскихъ университетовъ». Проф. Погодинъ выражался еще проще и откровеннѣе. Въ письмѣ къ Уварову отъ 18 февраля 1841 года онъ предлагалъ: «приготовить въ продолженіи двухъ трехъ лѣтъ нѣсколько молодыхъ людей на кафедру русской исторіи, ...проникнуть ихъ однимъ духомъ, дать имъ одно направленіе, согласное съ намѣреніями Правительства, ...и такимъ образомъ... надолго застраховать, сколько возможно, образъ мыслей и, слѣдовательно, и дѣйствій будущихъ поколѣній». Такого служебное усердіе ученыхъ помощниковъ Уварова. Только не надо изъ этого усердія дѣлать выводъ, что правительственные ученые дѣйствовали противъ своей совѣсти, что они не вѣрили въ ту идеологію, которую защищали, и что, изъ корысти, они предавали науку, которой служили. На самомъ дѣлѣ, это было не такъ. Въ своемъ большинствѣ, это были крѣпкіе имперскіе люди, искренне преданные вѣрѣ своихъ отцовъ, обожавшіе своего Монарха и готовые положить животъ свой за Отечество. Идеологія, которую они защищали, была ихъ идеологіей. Бѣда была только въ томъ, что, по своимъ да-

рованіямъ, они неспособны были на творческую работу въ этой области. И еще большая бѣда заключалась въ томъ, что, если бы они на такую работу и были способны, имъ бы ее не позволили. Правительство требовало не творчества, а ученой службы. Профессора добросовѣстно ее исполняли. — Не менѣе добросовѣстно исполняли и литературную службу «приверженные Правительствоу писатели», — Булгаринъ, Гречъ, Сеньковский и др., — «шпіоны-литераторы» и «сволочь нашей литературы», какъ о нихъ выражался Пушкинъ. Они издавали правительственные органы, — газеты и журналы, — рвали въ клочья, а, когда надо было, и доносили на неугодныхъ Правительствоу литераторовъ и распространяли Правительственное Ученіе, какъ «работорбастующіе торговцы» (Вигель). Нѣкоторые изъ нихъ совмѣщали литературную службу со службой въ Третьемъ Отдѣленіи. Чго не мѣшало послѣднему карать ихъ, какъ еретиковъ и ослушниковъ. «Ты, ты у меня, — распекалъ Дубельтъ Булгарина за статью о петербургскомъ климатѣ, — вольнодумствовать вздумалъ! О чемъ ты тамъ нахрюкалъ! ...Климакъ царской резиденціи бранишь! Смотри!» Когда Булгаринъ былъ очень виноватъ, Дубельтъ ставилъ его въ уголъ. — Сложнѣе обстояло дѣло съ настоящими писателями, принявшими правительственную идеологию — Жуковскимъ, Пушкинымъ (послѣ сдачи Николаю), Гоголемъ, отчасти Тютчевымъ и другими. Что привлекало этихъ писателей въ николаевской Россіи? Ея величіе и слава. Мошь ея — границъ Имперіи. Торжественный имперскій порядокъ, противостоящій европейскому революционному вихрю — твердый утесъ среди ревущаго океана. Священные основы Самодержавной власти. Монархъ — Помазанникъ Божій, поднявшій на свои плечи тяжесть ответственности за милліоны людей и ведущій ихъ, державной рукой, къ божественному свѣту и міровому владычеству. Чего не хватало имъ въ этомъ Православномъ Царствѣ? Просвѣщенія и свободы. Но о просвѣщеніи они думали, что свѣтъ его широкой волной разливается по странѣ и что, во всякомъ случаѣ, источникъ этого свѣта — Императорская власть. «Со временъ востанія на престолъ дома Романовыхъ, — писалъ Пушкинъ, — у насъ Правительство всегда впереди на поприщѣ образованности и просвѣщенія. Народъ слѣдуетъ за нимъ всегда лѣниво, а иногда и неохотно». И то же о свободѣ: она придетъ, когда созрѣютъ времена, но придетъ не въ бурѣ, а по манію царя. И не только для рабовъ, но и для всего народа. «Самодержавіе..., — писалъ Жуковский, — опираясь на Божью Правду, вѣрнѣе всѣхъ бумажныхъ конституцій приведетъ народъ русскій безъ всякихъ

потрясеній, медлительнымъ путемъ законности, къ той цѣли, къ которой всѣ земные народы стремятся — къ свободѣ». Всѣ эти мысли можно было найти и въ правительственной идеологіи, хотя не все въ ней было выражено такъ, какъ хотѣлось. Но изъ-за этого ссориться съ Правительствомъ не стоило. И не только изъ страха или священнаго трепета передъ Властью. Но и по другому мотиву, для нихъ болѣе важному. «Не надобно на Жуковского смотрѣть изъ одной только точки зрѣнія, съ которой ты на него смотришь — гражданского пѣснопѣвца, — писалъ А. Тургеневъ къ Вяземскому. — У него все для души. Душа его въ талантѣ и талантъ въ душѣ». «Хотѣлось бы поговорить... о нашемъ миломъ и искусствѣ, для котораго живу, — писалъ Гоголь Жуковскому. — Едва ли не со времени... перваго свиданія нашего оно уже стало главнымъ и первымъ въ моей жизни, а все прочее вторымъ». Стоило ли изъ-за этого «второго» вызывать противъ себя громы Имперіи, передъ которой, въ душѣ своей, писатели преклонялись. Тѣмъ болѣе, что и Имперія снисходительно относилась къ ихъ легкимъ идеологическимъ вольностямъ, видя въ нихъ малые уклоны великихъ людей. Такъ сложилось доброе сожительство большихъ русскихъ писателей съ Правительственной идеологіей. Только не надо изъ этого сожительства дѣлать тѣ выводы, которые встрѣчаются у современныхъ изслѣдователей: что общественная идеологія указанныхъ писателей — продуктъ ихъ личнаго и оригинальнаго творчества. Думать такъ — значитъ не чувствовать духа эпохи. На самомъ дѣлѣ, ничего оригинальнаго въ общественной идеологіи писателей, стоявшихъ на имперской позиціи, не было и быть не могло: они заняли ее «съ твердымъ намѣреніемъ не противорѣчить своими мнѣніями общепринятому порядку» (Пушкинъ). «Если Государю угодно будетъ употребить перо мое для политическихъ статей, — писалъ Пушкинъ Бенкендорфу, — то постараюсь съ точностью и съ усердіемъ исполнить волю Его Величества... Общее мнѣніе имѣетъ нужду быть управляемо». Потому ничего творческаго въ имперскую идеологію писатели не внесли. Они взяли ее изъ окружающей среды въ томъ видѣ, въ которомъ она была выработана исторіей и указана властью. А свои личные «уклоны» разсматривали, какъ ея варианты — не больше.

Среди большихъ писателей, раздѣлявшихъ имперскую идеологію, былъ, однако, одинъ, несомнѣнно, сыгравъ самостоятельную роль въ ея развитіи и который, въ известномъ смыслѣ, можетъ считаться ея творцомъ — Карамзинъ. Карач-

звнть носилъ придворное званіе «Исторіографа Россійской Имперіи», былъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и былъ осыпанъ царскими милостями. И, дѣйствительно, это былъ еще совсѣмъ имперскій человекъ, безъ всякаго орденскаго налета. и былъ онъ вѣрнымъ слугою царей. Однако, о немъ ни въ коей мѣрѣ нельзя сказать то, что говорилось выше о большинствѣ имперскихъ дѣятелей его времени — что передъ царями они не имѣли ни своей мысли, ни воли. Наоборотъ, онъ имѣлъ свою мысль о государствѣ, которая сложилась у него въ цѣлую идеологическую систему, и онъ имѣлъ мужество защищать ее передъ двумя царями — Александромъ I и Николаемъ. И, когда онъ защищалъ ее передъ Александромъ, онъ имѣлъ всѣ основанія думать, что Государю она будетъ неужодна, ибо въ то время Александръ, вмѣстѣ со Сперанскимъ, проводилъ въ жизнь свой Государственный Планъ (хотя и Карамзинъ зналъ, что высшая добродѣтель имперскаго вѣрнопопданнаго — покорность: «естъ Богъ и Царь», — говорилъ онъ не разъ, какъ и другіе имперскіе люди). И, дѣйствительно, когда въ мартѣ 1811 года Карамзинъ представилъ Александру свою Записку, Государь прочелъ ее съ явнымъ неудовольствіемъ и холодно разстался съ авторомъ. Правда, Записка была представлена Александру не по собственной инициативѣ Карамзина, а по личному предложенію Великой Княгини Екатерины Павловны, — любимой сестры Государя, — стоявшей тогда во главѣ обширнаго заговора противъ Сперанскаго и конституціонныхъ уновленій — заговора, приведшаго, въ концѣ концовъ, къ гибели и Сперанскаго, и уновленій. Правда и то, что въ Запискѣ Карамзинъ излагалъ не только собственные взгляды, но и былъ выразителемъ общественнаго мнѣнія противниковъ уновленій. Но о заговорѣ Карамзинъ не зналъ, а мнѣнія окружающей среды были и его мнѣніями. Какіе взгляды развивалъ Карамзинъ въ своей Запискѣ и параллельно въ Исторіи Государства Россійскаго? — Тѣ же, которые позднѣ легли въ основаніе Правительственной идеологіи Николая. О пространствѣ Россіи, передъ которымъ цѣпенѣтъ мысль. О ея величіи, въ коемъ съ нею не могъ равняться Римъ. О моши ея, ибо колоссъ Россіи ужасенъ. Объ ея удивительной судьбѣ, ибо она избрана быть истинною посредницею народовъ. О томъ, что всѣмъ этимъ она обязана неограниченной власти Монаршей. Что исторія ея народовъ принадлежитъ царямъ. Что Россія основалась единоначаліемъ, гнбла отъ разновластія и усобицъ и спаслась, искоренивъ вси злоупотребленія, самодержавнымъ правленіемъ. Что самодержавіе есть Паладіумъ Россіи, душа, жизнь ея. Что

неизмѣримая Россійская Имперія, подъ скипетромъ ея вѣщепосцевъ, кажется ему счастливымъ семействомъ, управляемымъ единою волею отца, по непрелѣпнымъ законамъ любви его. Что, по всему этому, Россія не должна подражать Европѣ, которую Французская революція тоже излѣчила отъ мечтаній гражданской вольности и равенства. Ибо гдѣ, въ какой землѣ Европейской блаженствуетъ народъ, цвѣтетъ правосудіе, сияетъ благоустройство, сердца довольны, умы спокойны? Россія не походить ли на одно Европейское государство. Дать ей конституцію, значитъ нарядить ее въ гаерское платье. Она имѣетъ свою государственную судьбу, великую и удивительную и скорѣе можетъ упасть, нежели еще болѣе возвеличиться. Поэтому, Россіяне, въ своихъ царяхъ (Петръ I, Александръ) боялись одного: излишней любви къ государственнымъ преобразованіямъ, которыя потрясаютъ основы Имперіи. Потому они и требуютъ болѣе мудрости хранительной, чѣмъ творческой. «Мы одно любимъ, одного желаемъ: любимъ Отечество... Желаемъ, да не измѣнится никогда твердое основаніе нашего величія; да правила мудраго Самодержавія и Святой Вѣры болѣе и болѣе укрѣпляютъ союзъ частей; да цвѣтетъ Россія...» Такими взгляды, которые Карамзинъ развивалъ въ своихъ твореніяхъ и защищалъ передъ Александромъ I и Николаемъ. — Что, въ этихъ взглядахъ, принадлежало лично ему? Что взялъ онъ изъ окружающей среды и у своихъ предшественниковъ? Ибо, по своему строенію, умъ Карамзина совсѣмъ не оригинальный, и творчество его крайне поверхностно. Сила Карамзина — въ литературномъ талантѣ, въ чувствахъ, его одушевляющихъ, въ умѣнн дать блестящее выраженіе общественному мнѣнію его эпохи. Въ молодости онъ выражалъ другое мнѣніе, чѣмъ вышеизложенное, и выражалъ его такъ же блестяще. Тогда и онъ увлекался «европейскими идеями» и хотѣлъ разливать свѣтъ ихъ по Россіи. И онъ славилъ преимущества осмогонадесятъ вѣка: тонкость разума, смягченіе нравовъ, ходъ всемірнаго совершенія, тѣснѣйшую связь народовъ. И онъ страстно любилъ человечество. «Все народное, — писалъ онъ тогда, — ничто передъ человѣческимъ. Главное дѣло быть людьми, а не славянами. Что хорошо для людей, ... то мое; ибо я человѣкъ». Однако, мало-по-малу, и почти незамѣтно, взгляды его измѣнились. По существу, съ нимъ случилось то, что случилось со многими въ его время, и что такъ поражаетъ въ духовной биографіи нѣкоторыхъ большихъ людей въ наши дни: между нимъ и его идеями легла кровь — кровь Революціи, которая омыла всю Европу. Кровь окрасила европейскія идеи и объясни-

да ихъ. Онъ понялъ то, что, обычно, становится понятнымъ только на личномъ опытѣ: что между идеями и ихъ воплощеніемъ въ жизнь лежитъ историческая твердь, и что попытка взорвать ее несетъ людямъ неисчислимые страданія. Тогда онъ «видѣлъ» «что гражданскій порядокъ священъ даже въ самыхъ недостаткахъ своихъ; что власть его есть для народовъ не тиранство, а защита отъ тиранства, что, разбивая его благотѣтельную эгиду, народъ дѣлается жертвой ужасныхъ бѣдствій; ...что всѣ смѣлыя теоріи ума... должны остаться въ книгахъ; ...что учрежденія древности имѣютъ магическую силу, которая не можетъ быть замѣнена никакою силою ума; что одно время и благая воля законныхъ правительствъ должна исправитъ несовершенство гражданскихъ обществъ». Идеологическая система его молодости разрушилась въ самомъ основаніи. «Вѣкъ Просвѣщенія, — писалъ онъ, — я не узнаю тебя; въ крови и пламени, среди убійствъ и разрушеній, не узнаю тебя». «Мы видѣли издали ужасы пожара, и всякій изъ насъ возвратился домой благодарить небо за цѣлость крови нашего и быть разсудительнымъ». Такъ произошла смѣна взглядовъ Карамзина: домислы ума отступили передъ исторической твердью; Европа — передъ родною землей. Карамзинъ и теперь еще любитъ слова, вѣкогда облекавшія дорогія ему идеи. Но слова эти потеряли свой смыслъ. Онъ и теперь еще любитъ человѣка и человѣчество; но теперь человѣческое ничто передъ народнымъ. «Для насъ, русскихъ, съ душой, — пишетъ отъ Дмитріеву, — одна Россія самобытна, одна Россія истинно существуетъ, все иное есть только отношеніе къ ней, мысль, привиденіе». Онъ и теперь еще любитъ свободу — но только ту свободу, «которая заключена въ моемъ духѣ», и «скакой не можетъ меня лишитъ ни одинъ тиранъ». Онъ и теперь еще любитъ республику — но странною любовью: «не требую ни конституцій, ни представителей, — пишетъ онъ Дмитріеву, — но го чувствую останусь республиканцемъ и, притомъ, вѣрнымъ подданнымъ Царя Русскаго: вотъ противорѣчіе, но только мнимое». По существу же, теперь онъ любитъ одно: Отечество, Имперію, Россію — ея величіе, ея славу, ея мощь, ея вѣковую твердь, и въ этой тверди видитъ основанія, на которыхъ она будетъ стоять еще долго, долго — Самодержавіе и Вѣру Отцовъ. Во всемъ этомъ было мало оригинальнаго и еще менѣе творческаго. Такъ думали и чувствовали многіе имперскіе люди его вѣмени и пресжняго — отъ «птевицовъ гнѣзда Петрова» до «Екатерининскихъ орловъ» и Александровскихъ «старыхъ служивцевъ». Павлиньи перья Екатерины и конституціонная

дымовая завѣса Александра нисколько не скрывали отъ нихъ подлинной имперской тверди и не мѣняли ихъ коренныхъ имперскихъ чувствъ и мыслей. Развертывая свою идеологическую систему, Карамзинъ давалъ красочный разрѣзъ этой вѣковой тверди и облекалъ въ европейскія слова старія имперскія понятія — не больше. Но вотъ что удивительно! Карамзинъ — великій историкъ. По слову Пушкина, древняя Россія, казалось, была найдена имъ, «какъ Америка Колумбомъ». Нѣтъ сомнѣнн, что историческое раскрытiе Россiйской тверди, ея объясненiе, схема ея развитiя — продуктъ оригинальнаго творчества Карамзина! Историческая наука (П. Милюковъ) въ корнѣ разрушаетъ такiя предположенiя. Въ объясненiе русской исторiи Карамзинъ ничего новаго не внесъ. Его историческая схема Россiи цѣликомъ взята у историковъ XVIII вѣка, у которыхъ онъ заимствовалъ и изображенiе событiй. Занятiе русской исторiей въ этомъ вѣкѣ — особый родъ государственной службы. Ее выполняли чиновники, по порученiю власти. Въ 1709 году впервые гр. Брюсъ поручилъ тайному совѣтнику Татишеву составленiе русской исторiи, и тотъ «ему яко командиру и благодѣтелю отказаться не могъ». По приказу власти написала свою Древнюю Россiйскую Исторiю придворный литераторъ Ломоносовъ. По правительственному заказу писали Щербатовъ, Болтинъ и другiе. Для исполненiя возложеннаго на нихъ порученiя, Правительство выдавало чиновникамъ бумага, «приличная къ сочиненiю исторiи». Чиновники писали исторiю подъ наблюденiемъ и по указанiямъ начальства. Неудивительно, что представленiе о ходѣ русской исторiи у историковъ XVIII вѣка точно соответствовало правительственной идеологiи ихъ времени и въ теченiе цѣлаго вѣка почти не мѣнялось. Согласно Татишеву, русская исторiя дѣлится на три перiода. Первый — отъ пришествiя славянъ въ Русь изъ Вандалии и до смерти Мстислава (1132). Въ этотъ перiодъ Россiя управлялась единовластными Государями. Юриксъ, прiявъ престолъ, иначе самовластiе утвердилъ, которое до кончины Мстислава ненарушимо сохранилось. Во все это время государство въ славу, чести и богатствѣ непрестанно процвѣтало и въ силѣ умножалось. Во второй перiодъ (до вокняженiя Ивана III въ 1462 году), князи раздѣлились, и слѣбалась аристократiя или паче расчлененное тѣло, что привело къ ряду беспутствъ. Прежде всего это дало свободный способъ татарамъ, нашедшимъ, все разорить и подъ власть свою покорить. Затѣмъ, пользуясь тѣмъ, что самодержавство русскихъ Государей угасло, начали отрекаться отъ нихъ литовскiе князья, прежде покорные. И, нако-

нецъ, Новгородъ, Псковъ и Полоцкъ, учиня собственныя демократическія правительствя, такожь власть великихъ князей уничтожили. Третій періодъ начинается съ Іоанна Великаго (III), который, опровергнувъ татарскую власть, пакы совершенную монархію возстановилъ, черезъ что въ краткое время сила и честь Государя умножилась. «Изъ сего всякъ можетъ видѣть, сколько монаршеское правленіе государству нашему прочихъ полезнѣе, чрезъ которое богатство, сила и слава государства умножается, а черезъ прочія умалается и гибнетъ». Такова схема Татишева, неизмѣнно повторявшаяся, съ легкими вариантами всѣми историками XVIII вѣка. — Ту же схему повторилъ и Карамзинъ, съ незначительными уступками варианту Шлецера и Болтина. Отечество наше обязано своимъ величіемъ введенію монархической власти, которая, однако, въ древней Россіи не была еще неограниченной и самодержавной. Основанная и возвышенная единовластіемъ Россія утратила силу, блескъ и гражданское счастье, будучи снова раздробленною на малыя части. Государство наше, шагнувъ въ одинъ вѣкъ отъ колыбели своей до величія, слабѣло и разрушалось болѣе трехсотъ лѣтъ. Московскіе князья прекратили междоусобныя драки и возстановили единовластіе. Іоаннъ III усилилъ единовластіе самодержавіемъ и совершилъ то и другое. вмѣстѣ съ нимъ утвердилась политическая система Государей московскихъ, заслужившая удивленіе своею мудростію. Царь сдѣлался для всѣхъ Россіянъ земнымъ Богомъ. Мудрому самодержавію Россія и обязана своимъ спасеніемъ и величіемъ. Такова схема Карамзина, въ которой нѣтъ ни грама новаго и оригинальнаго. Онъ только, «съ умомъ, вкусомъ и талантомъ», — какъ самъ онъ опредѣлялъ задачи русскаго историка, — воодушевилъ, раскрасилъ и сдѣлалъ занимательнымъ тотъ матеріалъ, который подготовили его предшественники. Его князья часто напоминаютъ ложноклассическихъ героевъ Расина. И этому не надо удивляться. Ибо, по существу, Карамзинъ самъ человекъ XVIII вѣка. «Карамзинъ есть писатель не нашего вѣченія», — говорятъ о немъ Полевой въ 1829 году. Но вотъ что, дѣйствительно, поражаетъ воображеніе и бросаетъ яркій свѣтъ и на истоки правительственной идеологіи Николая I, и на роль въ ней Карамзина. Его историческая схема Россіи, заимствованная имъ у историковъ XVIII столѣтія, не есть продуктъ этого вѣка. Историки XVIII столѣтія, въ свою очередь, заимствовали ее у московскихъ людей XV и XVI вѣковъ. Ибо уже московскіе люди знали твердо: что изначала Русская земля была единымъ государствомъ, и что всѣ славяне служили и

повиновались единому великому князю; что еще Владиміръ Мономахъ получилъ царскій вѣнецъ отъ византійскаго императора Константина и былъ вольнымъ самодержцемъ великой Руси; что въ горькія времена, когда на Руси стало государей много, и было великое нестроеніе, начали ее губить татары, и отпала отъ нея земля Литовская, а земля Новгородская стала жить по своей волѣ, никому не покоряясь; что великіе князья чюсковскіе, захотѣли поискать прародительскихъ чиновъ и вѣнчаться на царство, какъ сродники ихъ и великій князь Владиміръ Мономахъ на царство садился; что царь Иванъ III былъ уже снова Государемъ всея Руси, и что царь Иванъ IV свое царское самодержавство пріялъ отъ самого Господа; вмѣстѣ съ ними, русская земля начала обновляться и паки взошла на древнее свое величество. — Какъ могло такое пониманіе хода русской исторіи возникнуть въ умахъ московскихъ людей? Гдѣ его истоки? Милюковъ видитъ ихъ въ политическихъ нуждахъ московскихъ великихъ князей, искавшихъ историческое объясненіе для борьбы съ удѣльнымъ порядкомъ, татарщиной и независимостью отъ Москвы Литовской Руси и сѣверныхъ вѣчевыхъ республикъ. Историческая схема — продуктъ московской политики. Но возможно и иное объясненіе. Историческая схема составляетъ часть большой идеологической системы, заимствованной Москвой у Византіи, перенесенной къ намъ южными славянами и приспособленной чюсковскими идеологами къ русскимъ обстоятельствамъ: о богоустановленности царской власти; о ея подобіи власти Божественной; о томъ, что Царь — земной и видимый образъ Царя Небеснаго; о томъ, что и царство его построено по планамъ небеснаго царства; о томъ, что власть Царя земнаго, какъ власть Царя Небеснаго, — самодержавна и неограничена; о томъ, что подданные земнаго Царя повинны ему покореніемъ и послушаніемъ, послушаніе же есть — подобно иносческому обѣту — «всякое отсѣченіе своего хотѣнія»; о томъ, что русскіе Государи получили царскій вѣнецъ отъ византійскихъ Императоровъ и являются прямыми ихъ наследниками; потому русскіе Цари — не только «Божією милостью Государи всея Руси», но и «Цари православью», «Цари и Государи православныхъ христіанъ всей вселенной отъ востока и до запада и до океана»: ибо всѣ христіанскія царства сошлись въ Россійское царство; Москва — третій Римъ; «два Рима пали, а третій стоитъ, а четвертому не быть». Въ этой грандіозной краточеской системѣ православнаго русскаго царства историческая схема могла играть роль необходимаго звена, объясняющаго ходъ

русской истории и, в свою очередь, указующаго направление московской политики. Иначе говоря: не московская политика определяла московскую историческую схему; а историческая схема, вытекающая из московской идеологии православнаго царства, определяла пути московской политики. Но, какъ бы то ни было, историческая схема въ XVI вѣкѣ готова. Въ XVIII вѣкѣ ее повторили историки Имперіи. Въ XIX вѣкѣ ее повторилъ Карамзинъ. Другія звенья московской идеологии неизмѣнно повторяли церковные проповѣдники XVIII вѣка. Въ XIX вѣкѣ ихъ блестяще развилъ — съ отсѣченіемъ звена о третьемъ Римѣ — митр. Филаретъ. Такъ московская идеологическая система, съ вытекающей изъ нея исторической схемой, благополучно дожила до царствованія Николая I и была предложена ему — правда въ европейскомъ одѣяніи и тоже въ усѣченномъ видѣ — его придворнымъ историографомъ. Ибо, какъ Россійская Имперія Николая, такъ и положенная въ ее основу имперская правительственная идеологія — ничто иное, какъ — говоря языкомъ современной науки — «псевдоморфоза» Московскаго царства и его идеологии православной теократіи. Православіе и Самодержавіе — столпостѣны правительственной идеологии Николая — вмѣстѣ съ тѣмъ, и основные устои правительственной идеологии Москвы. Эту вѣковую идеологию Карамзинъ и представилъ Николаю, когда тотъ вступалъ на престолъ. «Послѣ смерти Александра I, — рассказываетъ биографъ Карамзина проф. Погодинъ, — Карамзинъ ѣздилъ всякій день во дворецъ. Императрица Марія Федоровна желала его имѣть при себѣ безпрестанно... Вел. Князь Николай Павловичъ находится, по большей части, при матери и былъ свидѣтелемъ ихъ задуманныхъ бесѣдъ. Любовь къ отечеству... внушала Карамзину и теперь вдохновенныя рѣчи о настоящемъ состояніи Россіи. Онъ говорилъ съ жаромъ, всю душу полагалъ въ свои откровенія, чтобы подѣйствовать, какъ можно сильнѣе, на будущаго Самодержца и застраховать, сколько возможно, судьбу Россіи.. Они не могли... обойтись безъ нѣкоторыхъ нареканий покойнику. Поищите, поищите сердце матери, Николай Михайловичъ, воскликнула однажды Императрица... Ваше Величество, отвѣчалъ онъ вдохновенный, я говорю не только матери Государя, который скончался, но и матери Государя, который готовится царствовать». Вдохновенныя рѣчи Карамзина произвели на готовившагося царствовать Николая неотразимое впечатлѣніе. Онъ принялъ ихъ не какъ новое откровеніе, а какъ старую имперскую истину, неосторожно забытую. Конституціонная дымовая завѣса Александра, несмотря на любовь Николая къ бра-

ту, разсѣялась безслѣдно. Николай «сталъ кѣбно противъ Революціи» — на защиту стараго имперскаго порядка и вѣковой россійской тверди. Для такого стоянія имперскій Символь Вѣры могъ служить крѣпкой опорой. Чтобы претворить его въ жизнь и для составленія, въ соответствующемъ духѣ, государственныхъ бумагъ Николай намѣревался поручить Карамзину Собственную свою канцелярію, со званіемъ Статсъ-Секретаря. Но больной Карамзинъ отклонилъ предложенную честь и указалъ вмѣсто себя на двухъ близкихъ ему лицъ, достойныхъ быть изяснителями Монаршей мысли — Дашкова и Блудова. Впослѣдствіи къ нимъ присоединился Уваровъ. Теперь оставалось приспособить готовую идеологію къ личности Монарха. Этимъ занялись вѣрнопопдавшие министры, несшіе ученую службу профессора, приверженные Правительству литераторы и стоявшіе на имперской позиціи великіе писатели. Передѣлка удалась блестяше. Идеологическій мундиръ сидѣлъ на Николаѣ, какъ вылитый. Во всей правительственной идеологической системѣ не было ни одной существенной черты, которая не отвѣчала бы личнымъ вкусамъ и понятіямъ Монарха. И это неудивительно: по замѣчанію мадамъ де Сталь, послѣ ея посѣщенія Россіи, вліяніе повелителя въ этой странѣ было такъ велико, что, съ переменной царствованія, могли перемениться всѣ понятія о всѣхъ предметахъ. Это и случилось, когда Николай смѣнилъ Александра. Съ его воупареніемъ, на престолъ сѣлъ московскій Владыка, облеченный въ военную форму европейскаго покроя и искренне вообразившій себя римскимъ Императоромъ.

И. Бунаковъ.